

18. Селиванов, С.А. Русская администрация и сельская многонациональная округа Свияжской и Алатырской провинций в 1700-1781 гг.: некоторые аспекты взаимоотношений / С.А. Селиванов // Волжская земля: история, экономика, культура. Сб. научных статей. – Чебоксары, 2005. – С. 37.

19. РГАДА – Ф. 9. «Кабинет Петра I и его продолжение». – Отд. II. – Оп. 3. – Ч. 3. – Кн. 48. – Л. 45.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ИРАНЕ В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ларин Андрей Борисович

Самарский государственный экономический университет

Активизация внешней политики России на южном и юго-восточном направлениях в начале XIX века привела к установлению более тесных контактов между Россией и Каджарским Ираном. Этот процесс не прошел незамеченным для российского общества. В указанный период усиливается интерес к Ирану, его истории, культуре, традициям. В печати появляются публикации по соответствующей тематике, как переводные, так и отечественные. Многочисленные записки путешественников и описания посольств в Персию подстегивают этот интерес. В результате в первой половине XIX века в российском обществе формируется определенный комплекс представлений о Персии, набор устойчивых стереотипов восприятия персов и Персии.

Власть является одной из самых важных, сущностных черт всякого общества. Зачастую с характеристики институтов власти в том или ином государстве начинается оценка этого государства. Представления, оформившиеся у образованного российского общества относительно государственной власти в Иране в первой половине XIX века, в значительной степени влияли на формирование комплексного взгляда на Иран и, в той мере, в которой разделялись российской правящей элитой – на политику России в этом государстве.

Анализ имеющихся в распоряжении материалов показывает, что в характеристике государственной власти Ирана российскими наблюдателями использовалось несколько основных понятий. Шахская власть называлась «монархией», «деспотией», «самовластием» и «неограниченным самовластием»¹. Иногда эти понятия соседствуют в одном и том же тексте, так что становится ясно, что автор текста либо не вполне ясно представлял себе действительный характер государственной власти в Персии, либо же не

вполне различал эти понятия в собственном сознании. Во всяком случае, характеристики, даваемые шахской власти в Персии в первые 25-30 лет XIX века, достаточно схожи и, как правило, ограничиваются констатацией неограниченной власти шаха над подданными и кратким описанием верховного государственного аппарата Персии (порой – неточным).

Постепенно, однако, ситуация меняется. По мере накопления все новых сведений о соседнем государстве, характеристики становятся более развернутыми. Это становится возможным из-за того, что Иран уже не является, как в самом начале XIX века, некоей *terra incognita*, а становится все ближе для жителей Российской Империи. Новые путешественники по Ирану не оказываются в абсолютно неизвестной стране, знакомой только по устаревшим сочинениям европейских путешественников XVII – XVIII веков, напротив, им уже были доступны свидетельства недавних очевидцев. Более того, эти очевидцы были их соотечественниками, что, конечно, способствовало более адекватному восприятию их сведений. Кроме того, русско-иранская война 1826-1828 гг. окончательно убедила иранское правительство в военном превосходстве России, и с момента окончания этой войны отношения России с Ираном развивались исключительно в мирном русле. Иран более не воспринимался в качестве враждебного государства. Русский наблюдатель отныне не чувствовал вокруг себя атмосферу враждебного окружения, его взгляд на Иран стал более мирным и, вследствие этого, более адекватным.

Так, в описаниях государственной системы Ирана появляются новые существенные детали. Характеристика этого государства как деспотического, с неограниченной властью шаха, остается, однако к ней присовокупляются некоторые дополнения. В частности, внимание наблюдателей привлекает к себе тот факт, что, несмотря на номинальную неограниченную власть шаха над всеми своими подданными и над всей территорией Ирана, в реальности шах зачастую не имеет никаких инструментов для реализации этой власти на практике. Тем самым, констатируется малая эффективность государственного аппарата Каджарского Ирана. Тот образ неограниченного самовластного восточного деспота, который был усвоен российской публикой из сочинений Монтескье и иных авторов, начинает постепенно разрушаться, сталкиваясь с конкретными проявлениями неэффективности государственного аппарата в Иране. Отныне, несмотря на сохранение терминологии (за неимением лучшей), характеризующей шахское правление (деспотизм, самовластие и т.п.), язык описания верховных институтов государственной власти в Персии становится, скорее, юмористичным. Например, приводятся многочисленные примеры невыполнения шахской воли подданными (в том числе – достаточно курьезные), в юмористическом ключе описываются разнообразные случаи коррупции и nepотизма².

Однако указания на некоторую слабость государственной власти в Персии встречались в трудах отечественных авторов и ранее, уже в начале XIX века³. Но в первой трети века это представление еще не стало массовым. Кроме того, даже те авторы, которые отмечали эту слабость государственной власти в Иране, не считали невозможным улучшение ситуации в будущем⁴. Взгляд на перспективы развития Ирана был, скорее, оптимистичным. Напротив, начиная с 30-х годов XIX века, акцент в восприятии смещается в сторону представления о бесперспективности исторического развития Ирана, о фатальной порочности и испорченности внутреннего устройства страны. В целом, усваивается пессимистический взгляд на перспективы развития персидского общества и государства.

Все это показывает, что после заключения Туркманчайского мира отношение российского общества к государственной власти в Иране серьезно изменилось. Вслед за установлением мирных отношений с Персией и приобретением более достоверных сведений о ней, в российском обществе формируется представление о слабости центральной государственной власти в этом государстве, о неспособности шаха реализовать собственную власть в пределах Ирана. Это приводит к тому, что Иран в воззрениях российского общества (и, в том числе, политической элиты) все в большей степени утрачивает субъектность в качестве игрока на мировой арене. Напротив, представление об Иране как об объекте международной политики расширяется и закрепляется.

1. См., например: [Бороздна, В.] Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году. Василия Бороздны, Коллежского Ассессора и орденов Св. Анны третьей степени и Персидского Льва и Солнца второго класса кавалера / В. Бороздна. – С.-Пб., 1821. – С. 216; [Кафтырев, Д.] Историческая, географическая и статистическая сведения о Персии. С картою Персии. Сочинение Д. Кафтырева / Д. Кафтырев. – С.-Пб., 1829. – С. 41; Записки А.П. Ермолова. 1798 – 1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. Ст., коммент. В.А. Федорова. – М., 1991. – С. 295.

2. [Масальский, Н.Ф.] Письма русского из Персии. Часть первая / Н.Ф. Масальский. – С.-Пб., 1844. – С. 141-146; [Салтыков, А.Д.] Путешествие в Персию. Письма кн. А. Д. Салтыкова. С портретом Нассер-Эддин-Мирзы, валиата (наследника) ныне шаха Персии / А.Д. Салтыков. – М., 1849. – С. 37; [Березин, И.] Иной мир. Приморский город / И. Березин // Русский Вестник – Т. 10, Май. – М., 1857. – С. 208-209.

3. См., например: [Броневский, С.М.] Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах: т. 1, т. 2, / подготовка текста к изданию, пред., прим., словарь малоупотр. слов, указатели И.К. Павловой / С.М. Броневский. – СПб., 2004. – С. 105-106.

4. Там же. – С. 106-107.